

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 303.4

DOI: 10.17223/1998863X/38/16

Н.В. Большаков

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СТРАТЕГИИ СМЕШИВАНИЯ МЕТОДОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СООБЩЕСТВА ГЛУХИХ И СЛАБОСЛЫШАЩИХ

Статья посвящена методическому и аналитическому рассмотрению применения стратегии смешивания методов при исследовании глухих и слабослышащих. Подобный дизайн является оптимальным в случае, когда перед исследователем стоят цели раскрытия определенных понятий и инструментальной проработки концептов, связанных с малоизученными группами. Автор также описывает собственный опыт использования дизайна последовательных вкладов для изучения культурного потребления данной группы.

Ключевые слова: глухие и слабослышащие, нарушение слуха, стратегия смешивания методов, методология социологического исследования, культурное потребление.

Введение

После подписания и ратификации в 2012 г. международной Конвенции о правах инвалидов Российская Федерация взяла курс на инклюзию людей с инвалидностью во всех областях жизни общества. Существующая в современном мире тенденция к гуманизации отношений должна явиться толчком к вступлению рассмотрения данной проблемы в новую фазу [1. С. 6]. В частности, речь идет о том, что необходимо не только всесторонне поддерживать людей с ограниченными возможностями, но и создавать систему, активизирующую потенциал каждого индивида.

Образование и культура являются основными институтами, которые способствуют всестороннему развитию личности индивида [2. С. 51], а потому играют особую роль в процессе социальной инклюзии людей с инвалидностью, наравне с трудоустройством или социальным обеспечением, обычно попадающими в исследовательский фокус. Полноценная инклюзия на индивидуальном уровне предполагает обладание определёнными культурными компетенциями [3. С. 76], формирование которых является одной из основных задач в рамках реализации принципов Конвенции ООН о правах инвалидов. По этой причине оценка культурной инклюзии является очень важным индикатором общей ситуации с формированием доступной среды.

Говорить о том, что сообщество глухих и слабослышащих не изучено вовсе, а люди с нарушениями слуха совсем не принимают участия в социологических исследованиях, было бы ошибочным, так как данная категория, в числе людей с другими формами инвалидности, регулярно становится объ-

ектом различных социальных обследований [4–8 и др.], однако в большинстве из них, как правило, игнорируется специфика данной социальной группы (жестовый язык, культура глухих и т.д.), а глухота рассматривается в медицинском или социальном контексте, что недостаточно, если исследование посвящено темам, так или иначе связанным с данными специфическими для глухих феноменами.

С методической точки зрения дефицит внимания к людям с нарушениями слуха как к объектам в различных исследованиях, как правило, приводит к использованию исследовательского дизайна, который игнорирует культурные и лингвистические особенности сообщества. Применение стратегии смешивания методов в социологии позволяет адаптировать исследования к различным группам, имеющим культурную специфику, а также особенности в коммуникативных практиках: людям с трудностями в восприятии письменной и устной речи, глухим и слабослышащим, а также различным маргинальным группам [9, 10] и меньшинствам. Как правило, подобная ситуация возникает, когда мы имеем дело с новыми или малоизученными социальными группами и явлениями. Одной из таких групп в России являются люди с нарушениями слуха. В рамках данной статьи будут рассмотрены возможности совместного применения качественных и количественных методов к исследованию глухих и слабослышащих на примере личного опыта.

Понятие культурных практик в контексте объекта исследования

Исследование, о котором пойдет речь в статье, было посвящено изучению культурных практик глухих и слабослышащих, а также их связи с культурным капиталом, предпочтениями, мотивацией и социальными характеристиками респондентов. Культурные практики понимались, в первую очередь, как некоторые действия, направленные на включение индивида в более широкий культурный контекст. Речь идет о различных «досуговых» мероприятиях, посещении музеев, театров и т.д. Например, при анализе культурного потребления группы социальные инноваторы Р. Абрамов и А. Зудина выделяли такие практики, как чтение, посещение театров, походы в кино, прослушивание классической музыки [11. С. 69]. Очевидно, что рассмотрение культурных практик в данной работе требует немного иного подбора эмпирических индикаторов. Специфика эмпирического объекта требует более внимательного и осторожного подхода к ряду культурных практик, связанных со слуховым восприятием (посещение концертов, филармоний, театра, прослушивание музыки в домашних условиях и т.д.). Кроме того, существование такого феномена, как «культура глухих», требует включения в анализ специфических практик потребления культуры, характерных для людей, в той или иной степени включенных в сообщество глухих: посещение Театра мимики и жеста, спектаклей государственного специализированного института искусств, мероприятий Всероссийского общества глухих и т.д.

Изучая культурные практики и компетенции (навыки, необходимые для участия в культурной жизни, способности декодировать произведения искусства, опыт участия в различных мероприятиях) людей с инвалидностью, крайне важно выделять глухих и слабослышащих в отдельную группу. Начиная с 70-х гг. особые практики и потребности данной группы способство-

вали формированию представления о глухих как о культурно-лингвистическом или социолингвистическом меньшинстве [12–15 и др.], что даже было закреплено в Конвенции ООН о правах Инвалидов: «Инвалиды имеют право наравне с другими на признание и поддержку их особой культурной и языковой самобытности, включая жестовые языки и культуру глухих» [16], поэтому культурное потребление людей с нарушениями слуха представляет особый исследовательский интерес. Ключевым является тот факт, что, в отличие от других категорий инвалидности, получивших возможность участия в культурной жизни общества относительно недавно, глухие и слабослышащие в России на протяжении многих десятилетий были включены в различные специфические для данной группы культурные практики. Достаточно вспомнить первый в мире Театр мимики и жеста, открытый в Москве в 1962 г. [17], концерты жестовой песни, специализированные издания и т.д. При этом специфические культурные практики глухих в России до последнего момента оставались за рамками интереса исследователей. Соответственно, основной целью исследования являлись выявление и анализ основных моделей практик, мотивов и предпочтений, образующих паттерны культурного потребления людей с нарушениями слуха, которые устанавливают групповые идентичности [18, 19], маркируют и легитимируют социальные различия [20–22], а также создают определенные символы и символические значения [23]. Так как цель исследования заключалась в измерении степени включенности индивида в различные как специфические, так и общедоступные культурные практики, а также в поиске связи между такими характеристиками, как уровень культурного капитала, наличие и степень потери слуха, включенность в сообщество глухих и т.д., то основным методом в рамках исследования стал количественный опрос. Однако специфика выбора глухих и слабослышащих в качестве объекта исследования потребовала включения дополнительного этапа, и было принято решение прибегнуть к стратегии смешивания методов.

Применение стратегии смешивания методов для исследования глухих

Релевантность выбранной стратегии совместного применения качественного и количественного этапов исследования для изучения данной группы диктуется следующими двумя особенностями изучаемого объекта.

Во-первых, последние десятилетия глухие все чаще стали рассматриваться как субкультура, основными характеристиками которой являются жестовый язык, самоопределение, схожие поведенческие паттерны, внутренние браки, общность исторического наследия и наличие сети формальных объединений и организаций [24. С. 74–75]. Это, в свою очередь, формирует «культуру глухих» («Deaf culture») – синтезирующую характеристику сообщества глухих [25], представляющую собой целый пласт специфических практик и установок, что находит свое отражение в культурно-досуговой деятельности. В связи с этим обязательным условием разработки анкеты являлось включение специфических культурных практик, характерных только для людей с нарушениями слуха. Специализированная литература по данной теме, которая раскрывала бы ситуацию в России, отсутствует, а редкие упоминания в прессе и в Интернете (как правило, заметки о прошедших мероприятиях или сообщения о предстоящих событиях) ограничиваются доста-

точно узким кругом практик и не носят системного характера. В данных условиях кабинетный метод исследования, применяемый обычно в процессе операционализации, интерпретации и разработки опросных инструментов, оказался нерелевантным. Было принято решение привлечь дополнительную информацию, известную ограниченному кругу профессионалов, для чего была проведена серия экспертных интервью со специалистами из различных областей, так или иначе связанных с культурно-досуговой деятельностью людей с нарушениями слуха.

Во-вторых, очень важной особенностью данной группы является использование глухими и слабослышащими в качестве основного способа общения жестового языка, который не является формой выражения русского языка, а представляет собой особую лингвистическую систему с собственной грамматикой и лексикой [26. С. 21]. В связи с этим для глухих, общающихся исключительно на жестовом языке, понимание письменной речи может представлять серьезную трудность [27. С. 13–16]. К данной категории могут принадлежать люди, выросшие в глухих семьях и привыкшие с детства общаться на разговорном жестовом языке или обучавшиеся в специализированных школах и интернатах, т.е. в среде, в которой регулярно ведется общение на жестовом языке. Примером лингвистических проблем общения с глухими могут служить результаты одного из немногих исследований о доступности различных культурных объектов людям с инвалидностью, выделяющих глухих и слабослышащих в отдельную категорию. При ответе на вопрос о причинах, препятствующих улучшению качества проведения досуга, инвалиды по слуху значительно реже других респондентов отмечали отсутствие необходимого оборудования, необходимой персональной помощи или недоступности досуговых учреждений и в 4–5 раз чаще других затруднялись ответить на вопрос, почему они не посещают данные заведения [4. С. 75], что говорит о том, что применение стандартных формулировок и шкал в опросах людей с нарушениями слуха может оказаться нецелесообразным. Заранее осознавая все трудности, с которыми могли возникнуть на этапе пилотажа, мы решили обратиться к экспертам за рекомендациями по формулированию вопросов и особенностям коммуникации с представителями сообщества.

Р. Винарчук и Э.Уилсон из Галадетского университета отмечают, что понимание комплексных феноменов, таких как «культура глухих», не может быть достигнуто с использованием только одного исследовательского метода [10. С. 274], и предлагают комбинировать глубинные интервью, фокус-группы, опросы, наблюдения и анализ естественных документов [10. С. 272] в рамках одного исследования. В исследовании первостепенных потребностей малазийского сообщества глухих [1. С. 272] они воспользовались стратегией пересекающихся результатов [28. С. 63–84], соотнося между собой результаты фокус-групповой дискуссии и количественного опроса и применяя тем самым принцип нескольких замеров разными методами сбора данных для повышения надежности, который является «одним из базовых элементов процедуры триангуляции» [29. С. 23]. В другом исследовании [30] по оценке программного обеспечения «Sueñalettras», предназначенного для помощи глухим детям в Южной Америке, авторы воспользовались стратегией

последовательных вкладов, в рамках которой результаты количественного исследования выступали как материал для анализа индивидуальных интервью и фокус-групп и последующей комплексной оценки и объяснения полученных данных. Авторы отмечают также ряд методологических трудностей, возникающих при работе с людьми с нарушениями слуха. В частности, перевод анкетных вопросов для людей с нарушениями слуха, который невозможен без тщательного пилотажа, адаптации формулировок и выбора переводчиков, которым доверяют представители сообщества [30. С. 273–274].

Дизайн исследования

Исследование было реализовано с применением принципа последовательных вкладов [28], в соответствии с которым последовательная реализация первого и второго этапов, непосредственно связанных между собой, позволяет развить определённое знание: разработать концепт, раскрыть его и подготовить для анализа в ходе количественного опроса. Несмотря на то, что основным этапом остается количественный и именно в его рамках решается поставленная в исследовании цель, качественный этап позволяет обеспечить возможность его проведения, а потому не может считаться менее значимым. Также можно отметить, что дизайн исследования носит разведывательный последовательный характер [31] и включает в себя анализ как качественных, так и количественных данных на разных этапах, что продиктовано, в первую очередь, задачами инструментального развития ключевого концепта исследования [32. С. 259; 33. С. 106].

Как отмечает Д. Морган, основная цель использования qual–QUANT дизайна заключается в том, чтобы на первом этапе создать материал для исследования и программу, которая будет использоваться в рамках полевого этапа: «Если Вам нужно знать больше о людях, которые будут респондентами в вашем исследовании, то преимущества качественных методов хорошо подходят, чтобы получить эту информацию» [28. С. 106]. Однако важно отметить, что в случае, когда речь идет о феноменах, которые еще не подвергались эмпирической проверке (как в нашем случае культура глухих или их специфические культурные практики), качественные методы являются единственным возможным способом обеспечить проведение исследования. Выбор в пользу qual–QUANT дизайна в данном случае продиктован, во-первых, развитием и раскрытием используемых в исследовании концептов (development-oriented), а во-вторых, поиском определений (definition-oriented) [28. С. 107], фактически раскрывающих основную тему исследования и тем самым повышающих его эффективность.

Первый этап включал в себя интервью со специалистами из различных областей, так или иначе связанных с культурно-досуговой деятельностью людей с нарушениями слуха или с исследованием сообщества. Всего в число экспертов вошло 7 человек, среди которых глухие, переводчики жестового языка, руководители специализированных культурных институций и учебных заведений, журналисты специализированных изданий и т.д. Отдельное интервью состоялось с руководителем исследовательской компании, проводившей одно из крупнейших в России исследование глухих на территории Саратовской области. Небольшой объем

выборки продиктован качественным насыщением данных: целевая выборка позволила отобрать информантов из различных областей, при этом эксперты демонстрировали единодушие в ответах на вопросы интервью, которые носили скорее инструментальный характер и не предполагали глубокой рефлексии.

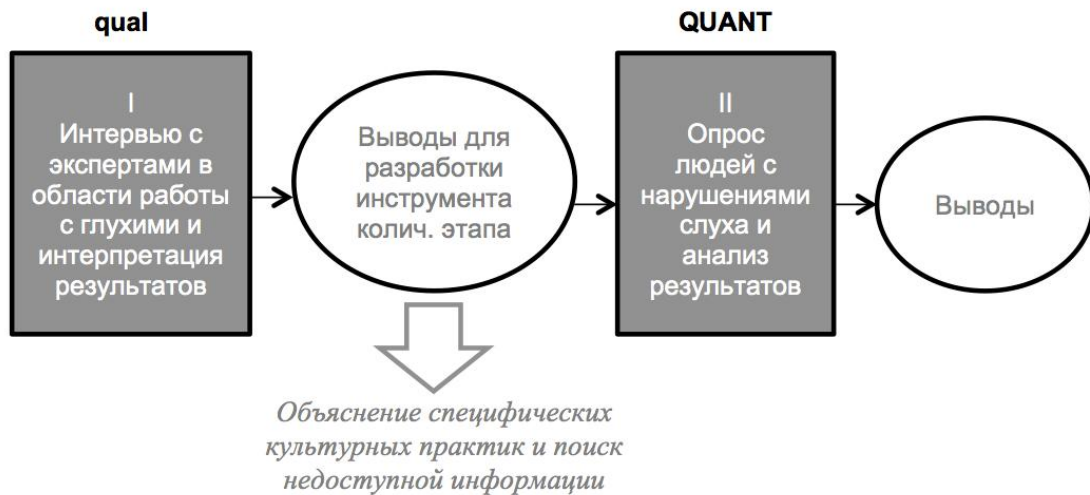

Рис. 1. Схема исследования в соответствии с дизайном последовательных вкладов

Данные на качественном этапе собирались с помощью слабоструктурированных интервью продолжительностью в среднем 40–50 минут. Интервью проводились, как правило, на рабочем месте информанта, благодаря чему у них была возможность демонстрировать в ходе беседы дополнительные материалы, имеющие отношение к ответам на вопросы. Выборка была набрана методом снежного кома, что позволило нам охватить экспертов из разных областей благодаря тому, что все специалисты, работающие с сообществом глухих, связаны между собой. Личная заинтересованность в результатах исследования некоторых экспертов обеспечила вхождение в достаточно закрытое сообщество и возможность проведения интервью, в том числе непосредственно с активистами сообщества глухих. Проведение экспертных интервью позволило не только, как предполагалось изначально, выявить основные культурные практики, характерные для глухих, и раскрыть понятие культуры глухих, но и выдвинуть дополнительные гипотезы для проверки на втором этапе исследования.

Второй этап включал в себя опрос людей с нарушениями слуха в возрасте 18–30 лет, проживающих в Москве. Основной массив данных собирался с помощью онлайн анкеты, адресно направляемой глухим и слабослышащим через социальные сети и личные электронные адреса, а также размещенной на специализированных интернет-площадках (группы в социальных сетях, сайты и т.д.). Всего было собрано 148 интервью, которые анализировались с помощью методов описательной статистики, корреляционного и регрессионного анализа, факторного и кластерного анализа, применяемых в рамках пакета для анализа данных SPSS.

Результаты

В соответствии с дизайном исследования были получены результаты нескольких уровней. Как и предполагалось, на первом, качественном, этапе были получены различные интерпретации понятия «культуры Глухих», а перечень специфических культурных практик сообщества был дополнен спектаклями ГСИИ и группы «Недослов», специализированными показами фильмов с субтитрами, дискотеками и клубами общения глухих, концертам, приуроченным к определенным праздникам (на базе ТМЖ к 8 Марта, Новому году и т.д.), посещением храмов (общины людей с нарушениями слуха, например, Храм Тихвинской иконы Божьей Матери патриаршего подворья Симонова монастыря, Московская церковь глухих «Вера и тишина») и т.д.

Все перечисленные экспертами варианты проведения свободного времени позволили сделать вопрос о культурных практиках глухих закрытым и, соответственно, пригодным для статистического анализа. Именно данный вопрос стал впоследствии основным при разбиении респондентов на кластеры, которые были использованы как базовые группы при построении паттернов культурного потребления.

Качественный этап позволил нам также построить гипотезы относительно культурных практик глухих и моделей объяснения их поведения, которые были позже проверены на данных опроса. Так, по мнению экспертов, глухая и слабослышащая молодежь нечасто посещает доступные для глухих массовые культурные мероприятия за исключением тех случаев, когда они носят специализированный характер. То есть для людей с нарушенным слухом крайне важно, чтобы ключевая тема мероприятия была в той или иной степени связана с глухотой. На количественном этапе данная гипотеза была проверена нами с помощью вычисления значения установки на культуру глухих для каждого респондента. Значение установки было получено индексным методом, в рамках которого согласие респондентов с определенными суждениями, например, «Если мероприятие (выставку, концерт) организовывает ВОГ, то для меня это всегда интересно» или «Я обязательно пойду в кино на фильм, если узнаю, что режиссер этого фильма обладает нарушением слуха», оценивалось одним баллом и респонденты с максимальной суммой обладали максимальной установкой на культуру глухих.

Кроме того, информанты отмечали, что все специфические виды досуга людей с нарушениями слуха обязательно включают в себя возможность общения, поэтому культурные практики, как правило, не подразумевают индивидуального участия, а для молодежи наиболее предпочтительной практикой, по мнению информантов, является совместный поход в парк. Любое мероприятие воспринимается глухими как возможность общения, т.е. коммуникативная функция культурных мероприятий для глухих и слабослышащих играет одну из первостепенных ролей. Исходя из полученных данных, в анкету был включен блок вопросов, касающихся реализации этих функций.

Полученные на основе экспертного опроса ответы были использованы для разбивки респондентов на определенные группы в соответствии с основной целью исследования, которая заключалась в выделении паттернов культурного потребления глухих и слабослышащих москвичей. На первоначальном этапе с помощью кластерного анализа методом К-средних были

выделены кластеры, объединяющие респондентов со схожими культурными практиками. После чего с помощью коэффициентов связи и методов сравнения средних значений (с помощью Т-теста для независимых выборок) было установлено, различаются ли данные кластеры между собой по мотивам, уровню культурного капитала и различным социально-демографическим характеристикам (возраст, уровень потери слуха и т.д.).

Всего были выделены три модели культурного потребления глухих и слабослышащих: паттерн культурной инклюзии, паттерн пассивного культурного потребления и паттерн культурной изоляции [34]. Кроме того, нами была подтверждена выработанная в ходе экспертного опроса гипотеза о том, что для глухих, ориентированных на культуру глухих, особую роль в их досуговом поведении играют мотивы коммуникации и развлечения.

Результаты данного этапа исследования соотносятся с результатами интервью: специалисты сходятся во мнении, что для глухих и слабослышащих особую роль играют специфические культурные практики, т.е. культура (посещение музеев, просмотр кино, спектаклей и т.д.) выполняет, по их мнению, в основном коммуникативную и социальную функции. Степень нарушения слуха не является основной доминантой, определяющей выбор человеком того или иного паттерна культурного потребления. В семьях с высоким накопленным культурным капиталом дети с нарушениями слуха с большей вероятностью будут ориентированы на культурную инклюзию и включение в более широкий культурный контекст.

Выявление паттернов культурного потребления людей с нарушениями слуха в ходе данного исследования дает дополнительные возможности осмысления явления «культуры глухих», а также культурного потребления глухих и слабослышащих в рамках социологической теории и позволяет оценить возможности социальной инклюзии данной специфической группы людей с ОВЗ.

Заключение

В целом, дизайн описанного исследования предполагал последовательную интеграцию качественного и количественного подходов с целью обеспечения комплексного понимания культурных практик глухих и слабослышащих. Выбор в пользу qual-QUANT дизайна в данном случае объясняется не только необходимостью привлечения «закрытой» информации, известной ограниченной группе профессионалов, но и в первую очередь важностью комплексного объяснения феномена культуры глухих и ее роли в процессах культурного потребления данной закрытой и малоизученной группы. Несмотря на то, что ключевые задачи исследования решались в рамках количественного опроса глухих и слабослышащих, его реализация без предварительного качественного этапа была бы невозможной, что позволяет считать оба подхода одинаково важными в рамках реализации поставленной цели. Именно подобный дизайн позволил раскрыть концепт «культуры глухих», уточнить виды специфических культурных практик глухих и выявить их три основных типа.

Результаты проведенного нами исследовательского проекта подтвердили опыт предыдущих исследований сообщества глухих: для изучения и концептуализации понятий, связанных с инвалидностью и глухотой, а также изучения меньшинств, обладающих культурной или языковой спецификой, стратегия смешивания методов оказывается крайне актуальной. Проводимое в настоящий момент исследование профессиональных траекторий глухих и слабослышащих, сочетающее в себя метод качественных интервью и количественного опроса студентов специализированных колледжей, позволит апробировать другие дизайны смешивания методов и проанализировать преимущества и недостатки каждого из дизайнов в контексте работы с данным исследовательским объектом.

Литература

1. *Лебедев А., Кравченко Н.* Стратегия независимой жизни: Программа соц. терапии: воздействие личностному росту взрослых инвалидов и родителей детей с ограниченными возможностями. Орел, 2002.
2. *Шеманов А.Ю.* Понятие доступности социокультурной среды и его значение для методологии реабилитации // *Инклюзивное образование: методология, практика, технологии* / под общ. ред. О.Н. Ертановой, М.М. Гордон. М.: МГППУ, 2011. С. 50–53.
3. *Попова Н.Т., Шеманов А.Ю.* Инклюзия в культурологической перспективе // *Психологическая наука и образование*. 2011. № 1. С. 74–82.
4. *Карпова Г.* Инвалиды и культурная политика: проблемы доступности // *Социологические исследования*. 2010. № 10. С. 74–80.
5. *Наберушкина Э.* Стратификационный анализ инвалидности: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 1998.
6. *Романов П., Ярская-Смирнова Е., Вайтфилд С., Келли С.* Социологическое исследование проблем инвалидности и реабилитации инвалидов в Российской Федерации: анализ основных результатов исследования. М.: Папирус, 2009.
7. *Собкин В.С.* Подросток с дефектом слуха: ценностные ориентации, жизненные планы, социальные связи: эмпирическое исследование. М.: Российская академия образования, Центр социологии образования, 1997.
8. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Инвалиды и общество: двадцать лет спустя // *Социологические исследования*. 2010. № 9. С. 50–57.
9. *Mertens D.* Transformative research and evaluation. New York, NY: Guilford, 2009.
10. *Wilson A.T., Winiarczyk R.E.* Mixed Methods Research Strategies With Deaf People Linguistic and Cultural Challenges Addressed // *Journal of Mixed Methods Research*. 2014. Vol. 8, № 3. P. 266–277.
11. *Зудина А., Абрамов Р.* Культурное потребление и досуговые практики «социальных инноваторов»: социологический анализ // *Вестник Удмуртского университета*. 2012. Т. 3, № 1. С. 52–64.
12. *Meadow K.* Sociolinguistics, sign language and the Deaf subculture // *Psycholinguistics and Total Communication – The State of the Art (American Annals of the Deaf)*. Silver Spring: National Association of the Deaf, 1972. P. 19–33.
13. *Padden C.A., Humphries T.L.* Deaf in America: Voices from a Culture. Cambridge: Harvard University Press, 1990.
14. *Harris J.* The cultural meaning of deafness: Language, identity and power relations. Aldershot: Avebury, 1995.
15. *Базоев В., Паленный В.* Человек из мира тишины. М.: Академкнига, 2002.
16. *Конвенция ООН о правах инвалидов.* [Электронный ресурс]. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.
17. *Кайатос А.* Говорящие в беззвучии: скорее молчаливы, чем немые. Советский театр глухих и пантомима после Сталина // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 2, № 10. С. 213–234.
18. *Warde A.* Consumers, identity and belonging: reflections on some theses of Zygmunt Bauman // *The Authority of the Consumer*. London: Routledge, 2002. P. 58–74.

19. *Lamont M., Molnár V.* How Blacks Use Consumption to Shape their Collective Identity Evidence from marketing specialists // *Journal of Consumer Culture*. 2001. Vol. 1, № 1. P. 31–45.
20. *Bourdieu P.* *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. Cambridge: Harvard University Press, 1984.
21. *Katz-Gerro T.* Highbrow Cultural Consumption and Class Distinction in Italy, Israel, West Germany, Sweden, and the United States // *Social Forces*. 2002. Vol. 81, № 1. P. 207–229.
22. *Peterson R.A., Kern R.M.* Changing Highbrow Taste: From Snob to Omnivore // *American Sociological Review*. 1996. Vol. 61, № 5. P. 900–907.
23. *Bryson B.* «Anything But Heavy Metal»: Symbolic Exclusion and Musical Dislikes // *American Sociological Review*. 1996. Vol. 61, № 5. P. 884–899.
24. *Reagan T.* *Cultural Considerations in the Education of the Deaf Children, Educational and Developmental Aspects of Deafness*. Washington: Gallaudet University Press, 1990. P.73–84.
25. *Turnen G.* How is Deaf culture? // *Sign Language Studies*. 1994. Vol. 83.
26. *Зайцева Г.Л.* *Жестовая речь. Дактилология: учеб. для студ. высш. учеб. заведений*. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.
27. *Колесников В.* К проблеме использования жестового языка в высшем гуманитарном образовании // *Инновационные проблемы современного развития дефектологии: материалы межвузовской научной конференции*. М.: Прометей, 2014. С. 13–16.
28. *Morgan D.L.* *Integrating qualitative and quantitative methods: A pragmatic approach*. Thousand Oaks, Calif.: Sage, 2014.
29. *Савинская О.Б., Истомина А.Г., Ларкина Т.Ю., Круглова К.Д.* Концептуальные представления о стратегиях смешивания методов (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии // *Социологические исследования*. 2016. № 8. С. 21–29.
30. *Wilson A., Winiarczyk R., Johnson C.* *World of solutions innovations for persons with disabilities: Evaluation of Project Sueñalettras*. Washington, DC: InterAmerican Development Bank, 2012.
31. *Clark V.L.P., Creswell J.W.* *Designing and conducting mixed methods research*. LA: Sage, 2014.
32. *Greene J.C., Caracelli V.J., Graham W.F.* Toward a conceptual framework for mixed-method evaluation designs // *Educational evaluation and policy analysis*. 1989. Vol. 11 (3). P. 255–274.
33. *Bryman A.* Integrating quantitative and qualitative research: how is it done? // *Qualitative research*. 2006. Vol. 6 (1). P. 97–113.
34. *Астахова Н. В., Большаков Н. В.* Паттерны культурного потребления глухих и слабослышащих: инклюзия или изоляция? // *Журнал исследований социальной политики*. 2017. Т. 15, № 1. С. 51–66.

Bolshakov Nikita V. National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

DOI: 10.17223/1998863X/38/16

THE POSSIBILITIES OF MIXED METHODS RESEARCH IN STUDYING OF THE DEAF COMMUNITY

Key words: *deaf, deafness, hearing loss, mixed methods, cultural consumption*

The analysis of the methodological and analytical experience of conducting the mixed methods research of deaf and hard of hearing people is considered in this article. Ratification of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities makes sociological study of people with various forms of disability especially relevant. At the same time, people with disabilities in most studies are analysed as a homogeneous group which does not require differentiation of methods of their study. The lack of attention to people with hearing impairments, as an objects of various studies, usually leads to the use of research design, which ignores the cultural and linguistic features of this community. R. Winiarczyk and E. Wilson note that understanding of complex phenomena such as "culture of the deaf" can not be achieved by using only one research method. They suggest combining in-depth interviews, focus groups, surveys, observations and analysis of natural Documents within one study in order to obtain a valid result. In the described study was used the consecutive mixed methods design, in which the first qualitative stage allowed the full understanding of the "Deaf culture" notion and selection of indicators for specific cultural practices of the community of people with hearing impairments. This information was later used during conducting a mass poll of deaf and hard of hearing respondents. The use of such design is optimal when the researcher needs the revealing of certain

concepts and instrumental elaboration of concepts related to poorly studied groups. In general, the analysis of the structure of interrelated practices, preferences and motives of cultural consumption, which form the patterns of cultural consumption of the deaf and hard of hearing people, made it possible to identify three key sustainable models: "cultural inclusion," "cultural isolation," and "passive cultural consumption". Interrelation of both stages of the study allows us to conclude that specific cultural practices play a special role for deaf and hard of hearing people. Moreover, cultural institutions perform primarily communicative and social functions.

References

1. Lebedev, A. & Kravchenko, N. (2002) *Strategiya nezavisimoy zhizni: Programma sots. terapii: sodeystvie lichnostnomu rostu vzroslykh invalidov i roditeley detey s ogranichennymi vozmozhnostyami* [The strategy of independent life: The program of social Therapy: Promoting the personal growth of adults with disabilities and parents of children with disabilities]. Orel: Trud.
2. Shemanov, A.Yu. (2011) Ponyatie dostupnosti sotsiokul'turnoy sredy i ego znachenie dlya metodologii reabilitatsii [The concept of the accessibility of the socio-cultural environment and its significance for the rehabilitation methodology]. In: Ertanova, O.N. & Gordon, M.M. (eds) *Inklyuzivnoe obrazovanie: metodologiya, praktika, tekhnologii* [Inclusive education: Methodology, practice, technology]. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. pp. 50–53.
3. Popova, N.T. & Shemanov, A.Yu. (2011) Inclusion in cultural perspective. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 1. pp. 74–82. (In Russian).
4. Karpova, G. (2010) Invalidy i kul'turnaya politika: problemy dostupnosti [Invalids and cultural policy: problems of accessibility]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 74–80.
5. Naberushkina, E. (1998) *Stratifikatsionnyy analiz invalidnosti* [Stratification analysis of disability]. Sociology Cand. Diss. Saratov.
6. Romanov, P., Yarskaya-Smirnova, E., Whitefield, S. & Kelly, S. (2009) *Sotsiologicheskoe issledovanie problem invalidnosti i reabilitatsii invalidov v Rossiyskoy Federatsii: analiz osnovnykh rezul'tatov issledovaniya* [Sociological study of disability problems and rehabilitation of disabled people in the Russian Federation: Analysis of the main results of the study]. Moscow: Papirus.
7. Sobkin, V.S. (1997) *Podrostok s defektom slukha: tsennostnye orientatsii, zhiznennye plany, sotsial'nye svyazi: empiricheskoe issledovanie* [A teenager with a hearing defect: Axiological orientations, life plans, social connections: An empirical study]. Moscow: Russian Academy of Education, Centre for Sociology of Education.
8. Romanov, P.V. & Yarskaya-Smirnova, E.R. (2010) Invalidy i obshchestvo: dvadtsat' let spustya [People with disabilities and society: Twenty years later]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 50–57.
9. Mertens, D. (2009) *Transformative research and evaluation*. New York: Guilford.
10. Wilson, A.T. & Winiarczyk, R.E. (2014) Mixed Methods Research Strategies With Deaf People Linguistic and Cultural Challenges Addressed. *Journal of Mixed Methods Research*. 8(3). pp. 266–277. DOI: 10.1177/1558689814527943 mmr.sagepub.com
11. Zudina, A. & Abramov, R. (2012) Kul'turnoe potreblenie i dosugovye praktiki "sotsial'nykh innovatorov": sotsiologicheskii analiz [Cultural consumption and leisure practices of "social innovators": Sociological analysis]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*. 3(1). pp. 52–64.
12. Meadow, K. (1972) Sociolinguistics, sign language and the Deaf subculture. In: O'Rourke, T.J. (ed.) *Psycholinguistics and Total Communication – The State of the Art*. Silver Spring: National Association of the Deaf. pp. 19–33.
13. Padden, C.A. & Humphries, T.L. (1990) *Deaf in America: Voices from a Culture*. Cambridge: Harvard University Press.
14. Harris, J. (1995) *The cultural meaning of deafness: Language, identity and power relations*. Aldershot: Avebury.
15. Bazoev, V. & Palenny, V. (2002) *Chelovek iz mira tishiny* [A person from the world of silence]. Moscow: Akademkniga.
16. UNO. (n.d.) *Konventsia OON o pravakh invalidov* [UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.
17. Kayatos, A. (2012) Govoryashchie v bezzvuchii: skoree molchalivy, chem nemy. Sovetskiy teatr glukhikh i pantomima posle Stalina [Speakers in silence: They are more silent than mute. Soviet

theater of the deaf and pantomime after Stalin]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 2(10). pp. 213–234.

18. Warde, A. (2002) Consumers, identity and belonging: reflections on some theses of Zygmunt Bauman. In: Keat, R., Whiteley, N. & Abercrombie, N. (eds) *The Authority of the Consumer*. London: Routledge. pp. 58–74.

19. Lamont, M. & Molnár, V. (2001) How Blacks Use Consumption to Shape their Collective Identity Evidence from marketing specialists. *Journal of Consumer Culture*. 1(1). pp. 31–45.

20. Bourdieu, P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. Cambridge: Harvard University Press.

21. Katz-Gerro, T. (2002) Highbrow Cultural Consumption and Class Distinction in Italy, Israel, West Germany, Sweden, and the United States. *Social Forces*. 81(1). pp. 207–229. DOI: 10.1353/sof.2002.0050

22. Peterson, R.A. & Kern, R.M. (1996) Changing Highbrow Taste: From Snob to Omnivore. *American Sociological Review*. 61(5). pp. 900–907.

23. Bryson, B. (1996) “Anything But Heavy Metal”: Symbolic Exclusion and Musical Dislikes. *American Sociological Review*. 61(5). pp. 884–899.

24. Reagan, T. (1990) Cultural Considerations in the Education of the Deaf Children. In: Moores, D.F. & Meadow-Orlans, K.P. (eds) *Educational and Developmental Aspects of Deafness*. Washington: Gallaudet University Press. pp. 73–84.

25. Turnen, G.H. (1994) How is Deaf Culture?: Another Perspective on a Fundamental Concept. *Sign Language Studies*. 83. DOI: 10.1353/sls.1994.0017

26. Zaytseva, G.L. (2000) *Zhestovaya rech'. Daktilologiya* [Sign Language. Dactylogy]. Moscow: VLADOS.

27. Kolesnikov, V. (2014) [On the use of sign language in higher humanitarian education]. *Innovatsionnye problemy sovremennogo razvitiya defektologii* [Innovative problems of modern defectology]. Proc. of the Conference. Moscow: Prometey. pp. 13–16. (In Russian).

28. Morgan, D.L. (2014) *Integrating qualitative and quantitative methods: A pragmatic approach*. Thousand Oaks, Calif.: Sage.

29. Savinskaya, O.B., Istomina, A.G., Larkina, T.Yu. & Kruglova, K.D. (2016) Conceptual ideas of mixed research methods: Stages of development and current debates. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8. pp. 21–29. (In Russian).

30. Wilson, A., Winiarczyk, R. & Johnson, C. (2012) *World of solutions innovations for persons with disabilities: Evaluation of Project Sueñalettras*. Washington, DC: InterAmerican Development Bank.

31. Clark, V.L.P. & Creswell, J.W. (2014) *Designing and conducting mixed methods research*. Los Angeles: Sage.

32. Greene, J.C., Caracelli, V.J. & Graham, W.F. (1989) Toward a conceptual framework for mixed-method evaluation designs. *Educational Evaluation and Policy Analysis*. 11(3). pp. 255–274. DOI: 10.2307/1163620

33. Bryman, A. (2006) Integrating quantitative and qualitative research: how is it done? *Qualitative Research*. 6(1). pp. 97–113. DOI: 10.1177/1468794106058877

34. Astakhova, N.V. & Bolshakov, N.V. (2017) Cultural consumption patterns among the deaf and hard of hearing: inclusion versus exclusion. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 15(1). pp. 51–66. (In Russian). DOI: 10.17323 / 1727-0634-2017-15-1-51-66